гибель, гибель, пропажа, истребление, уничтожение, смерть, крайняя опасность, беда, напасть или пагуба».

В результате А. В. Соловьев приходит к заключению, что «погибель», т. е. конечное разорение Русской земли, могла наступить только в результате татаро-монгольского нашествия 1237—1240 гг. Эту же точку зрения разделяет Н. К. Гудзий: «О погибели Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 года — со времени страшного разорения Рязани, Пронска, Москвы, Суздаля, Переяславля, Владимира и других северных городов».[49]

Известно, что в «Слове о погибели» Русская земля изображается широко, как территория, подвластная русскому народу «от угор» «до мордви».[50] Однако, по мнению Н. К. Гудзия, под «погибелью Рускыя земли» имеется в виду разорение Владимиро-Суздальского княжества, а не всей Русской земли. Не противоречит ли такое объяснение «погибели Рускыя земли» широкому изображению Русской земли в «Слове»? Пытаясь устранить это противоречие, А. В. Соловьев[51] дает двойную датировку «Слова»: 1238 г. или 1240 г., т. е. после разгрома южной Руси татарами. Однако объяснение А. В. Соловьева только усложняет вопрос: какую же из двух предложенных датировок следует считать наиболее вероятной? В этой связи нам представляется интересным объяснение, предложенное А. Н. Насоновым.[52] Он полагает, что под «погибелью Рускыя земли» автор «Слова» имеет в виду крушение политической власти владимирского князя в результате татаро-монгольского нашествия. Во Владимире в первые десятилетия XIII в. возникла идея сильной великокняжеской власти.[53] К этой идее обращается и автор «Слова о погибели», вспоминая Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо. Уничтожение политической власти владимирского князя означало крушение надежд на объединение всей Русской земли под властью владимирского князя. В представлении автора «Слова о погибели» крушение идеи общерусской власти было итогом процесса постепенного ослабления центральной власти, начавшегося после смерти Ярослава Мудрого. Мы полагаем, что взгляды на погибель как на процесс ослабления Русского государства (В. Филипп) и как на татаро-монгольское нашествие (А. В. Соловьев) не противоречат один другому. Материалы из древнерусских памятников «Повести временных лет», Галицко-Волынской летописи, «Слова о полку Игореве» показывают, что тема погибели появилась в литературе во второй половине XI в. (после смерти Ярослава Мудрого) и всегда трактовалась в связи с княжескими междоусобиями и вражескими

«разорение», «опустошение», а также значение в противопоставлении «дьявольской погибели» «христианскому спасению» (см.: Срезневский, Материалы, т. II, в. II, стлб. 1027).

[49] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 541.

[50] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 67.

[51] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 102.

[52] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 48—49.

[53] Идея сильной великокняжеской власти отразилась во владимирском летописании (своды 1212 и 1228 гг.), в «Молении Даниила Заточника» [см.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 33—45; Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 32; 2) Литература второй четверти XII—первой четверти XIII века. Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси. — В кн.: История русской литературы, т. I. (Литература X—XVIII веков). Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 99—103; 3) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 59—60].